

© 2008 г.

МАСЛЕННИКОВ А.А. Античное святилище на Меотиде [Ancient Sanctuary on the Maiotis]. Москва–Тула: Гриф и К., 2006. 152 с. илл. DVD

МАСЛЕННИКОВ А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Москва–Тула: Гриф и К., 2007. 564 с. 199 рис. Анг. рез.

В последние годы значительно возросло число научных трудов, посвященных обобщению археологических источников, накопленных в процессе многолетних раскопок разнообразных античных памятников в Причерноморье, в том числе и святилищ¹. В историографии Боспора Киммерийского только прошедший 2007 год останется, скорее всего, годом, завершающим важный этап исследования и публикации материалов многих святилищ, открытых в предшествующее время. Главным доказательством такого предварительного вывода могут быть, с одной стороны, проведенные в этом году в Керчи и Санкт-Петербурге международные тематические научные конференции, посвященные разноаспектным вопросам изучения святилищ, других сакральных объектов, а заодно религиозных представлений населения, взаимосвязанной с ними мифологии, разных видов творческой и религиозной деятельности², а с другой, рецензируемые книги А.А. Масленникова – автора, который, как хорошо известно, много лет своей жизни отдал полевым и научным исследованиям сельской территории европейской части Боспорского государства.

На протяжении последних десятилетий, Восточно-Крымская археологическая экспедиция Института археологии РАН под руководством А.А. Масленникова проводила планомерные раскопки сельских поселений этого региона, где одновременно были открыты и различные сакральные памятники, в той или иной мере периодически уже освещавшиеся в печати. Но лишь совсем недавно после прекрасного издания в 2006 г. небольшой книги, где была дана характеристика всех материалов из античного святилища на поселении «Полянка» в Крымском Приазовье на русском и английском языках, А.А. Масленниковым впервые издан фундаментальный труд, в котором обобщены и осмыслены его многолетние исследования сельских святилищ и различных культовых объектов на европейском Боспоре. Поскольку в этой книге повторно рассмотрен и вышеотмеченный сакральный комплекс поселения «Полянка», то основное внимание в настоящей рецензии мы уделим именно этой последней монографии о сельских святилищах.

Она состоит из краткого предисловия, четырех глав, общей библиографии, резюме на английском языке, большого количества иллюстраций строительных остатков и других разнообразных материалов, обнаруженных в процессе археологических исследований святилищ, а так-

¹ К самым последним изданиям различных материалов из отдельных понтийских античных святилищ можно отнести следующие: *Histria VII. La zone sacrée d'époque grecque* (Fouilles 1915–1989) / Publ. par P. Alexandrescu. București, 2005; Древнейший теменос Ольвии Понтийской / Рук. А.С. Русаева, ред. В.Н. Зинько. Симферополь–Керчь, 2006; *Ochotnikov S.B.* Achilleus auf der Insel Leuke // *Internationale Archäologie* 94. Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit / Hrsg. J. Hupe. Rahden/Westf. Verlag M. Leidorf YmbH, 2006. S. 49–86; *Bujskich S.B.* Kap Bejkuš – Kap des Achilleus: eine Kultstätte des göttlichen Heros im Mündungsgebiet des Bug // *Ibid.* S. 111–153.

² Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты // Боспорские чтения. Вып. VIII. Керчь, 2007; Боспорский феномен. СПб., 2007. Кроме того, следует отметить еще одно, более раннее издание: Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. Ч. 1–2. СПб., 2002.

же карт-схем, планов-схем, панорам раскопок, общих видов местности до начала раскопок. Они в совокупности дают ясное представление о проделанной автором огромной работе³.

Предварительно А.А. Масленников резонно отмечает ряд трудностей при исследовании объектов, относящихся к категории одних «из самых таинственных, малочисленных, малопонятных и сложных в плане интерпретации» и отражающих в общем не содержание того или иного ритуала, а всего лишь его следы. Прежде всего это касается сакральных объектов на сельской территории Боспорского государства, находившегося в очень близком соседстве с местными варварами и включавшего земли многих из них, что, несомненно, стало главной причиной этнокультурного взаимопроникновения и влияния. А это требует их изучения на материалах поселений и святилищ.

Основная задача работы заключалась в том, чтобы «предоставить в руки исследователей новый, обширный и подчас просто первоклассный соответствующий материал», чему А.А. Масленников действительно уделил очень много внимания, возможно, даже излишне останавливаясь на совсем незначительных, а поэтому и малоинформативных фрагментах керамики и отдельных терракот. Однако в общем относительно небольшое количество материала по сравнению с городскими многовековыми теменосами позволило автору проанализировать и воспроизвести почти все главные находки из святилищ и их строительные остатки. В соответствии с поставленной целью эта чисто археологическая и важная характеристика почти всех имеющихся источников занимает главное место в монографии. Без их разбора вряд ли можно составить четкое представление о том или ином сакральном комплексе и соответственно доказать их принадлежность именно к святилищам, а не к случайному выбросу, остаткам сельской усадьбы или жилого дома. Большое место в работе занимают вопросы идентификации, систематизации, типологии, хронологии, ставится также труднейшая задача – дать наиболее достоверную интерпретацию каждого сакрального памятника путем привлечения необходимых аналогий. При этом автор-первооткрыватель вправе предостеречь читателя, что его работа отвечает своему названию, поскольку на данном этапе она не представляет собой полномасштабное изучение религии и культов сельского населения античного Боспора. Такое предостережение дает право надеяться, что А.А. Масленниковым будет написана другая монография, посвященная обозначенной им проблеме.

Для определения, что такое «сельские святилища», А.А. Масленников исходит из их местонахождения «вне городов, на пространстве хоры»⁴. По его типологии все рассматриваемые святилища разделены на две большие группы: коллективные (общественные) и частные (домашние). В первой, самой обширной главе, посвященной общественным святилищам на хоре европейского Боспора, преимущественно в Крымском Приазовье, дана развернутая археологическая характеристика всех сакральных комплексов (с. 9–405). На фоне различных подходов к интерпретации открываемых памятников предварительно разработанная А.А. Масленниковым единая схема в данном отношении заслуживает особого внимания. Она «включает в себя следующие небольшие разделы: местоположение памятника и обстоятельства его обнаружения (I); организация и методика раскопок, стратиграфия и строительные периоды (II); строительные остатки, материалы, строительная техника (III); находки и элементы (если это возможно) внутренней обстановки (IV)», а также архитектуру построек, некоторые вопросы характеристики и специфики памятника, его датировку (V). При этом четвертый раздел содержит более 20-ти параграфов, где почти в одинаковой последовательности и соответственно обнаруженным в каждом святилище материалам дается краткая характеристика всех находок, включая костные остатки и неопределенные предметы.

Согласно типологии и вышеотмеченной схеме, в главе 1 проведен всесторонний анализ всех общественных святилищ на хоре европейского Боспора по отдельности. На первом месте стоит весьма недолго в I в. до н.э. функционировавшее святилище на поселении «Полянка», раскопанное в 6 км западнее мыса Зюк в Крымском Приазовье. Как уже отмечалось, оно было опубликовано в 2006 г. в небольшой книге, а в другой монографии это святилище рассмотрено в несколько расширенном варианте. Особое внимание следует обратить на неординарное для тра-

³ В этой книге по нумерации автора отмечено 199 рисунков, однако в большинстве это таблицы, на которых количество рисунков отдельных категорий находок колеблется в среднем от пяти до двадцати и более, что значительно увеличивает их число.

⁴ Можно отметить, что в науке имеются разные взгляды и различные подходы к классификации античных святилищ как внутри городов, так и за их пределами. Подробнее об этом с литературой см. *Буйських С.Б.* Святилища extra-urban епохи грецької колонізації Нижнього Побужжя // *Археологія*. 2004. № 3. С. 3–14; *Русяева А.С.* Религия и культы понтийских эллинов: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. С. 94–203.

диционных античных святилищ однокамерное сооружение закрытого типа и на найденные там находки, в первую очередь на редкий комплекс хорошо сохранившихся терракотовых статуэток с изображением в основном эллинских мифологических персонажей, и на единичные фигуры богов восточного происхождения. Особый интерес представляет также разбитая амфора якобы с остатками трупосождения в неглубокой яме, ставшей (после ее частичного перекрытия круглым каменным жерновом) «жертвенником-эсхарой для возлияний».

Опровергнуть мнение А.А. Масленникова о принадлежности памятника общественному святилищу затруднительно по причине краткого периода его существования. Его отличают оригинальность постройки и интерьера, множество терракот, в наибольшей степени отражавших религиозно-мифологическую взаимосвязь Диониса, Афродиты и Геракла в сочетании с восточными культами. Соответственно с этим возникает сугубо боспорская специфика верований, особенно ярко проявившаяся во время правления Митридата VI Евпатора и его преемников. Тем не менее, несмотря на ряд соображений относительно обрядовых действий и подбора аналогий, сам автор как будто бы не твердо убежден в правдивости его достоверного определения, придя в итоге к наиболее, пожалуй, верному предположению о том, что это «своего рода сельский героон» – сакральный центр поселения, на котором он расположен.

Значительно больше строительных остатков и разнообразных вотивных приношений, в основном фрагментарных, открыто при раскопках сельского святилища близ городища Генеральское Восточное в 23.5 км от Керчи (древнего Пантикапея). Автор резонно причисляет его к самым ярким сельским сакральным комплексам, открытым в последние годы. В связи с этим возникает вопрос, почему же это святилище, не вызывающее никаких сомнений относительно его общественного характера, не было представлено в монографии на первом месте? Тем более, что в нем почитались божества, покровительствовавшие земледельцам, а это в значительной степени отражало свойственные им религиозные воззрения; к тому же оно появилось раньше и намного дольше функционировало. Почитание преимущественно Деметры и Коры с их мужскими паредрами и близкими к ним богинями происходило здесь в позднеэллинистический период и в более скромном объеме осуществлялось в I–III вв. н.э. Исследователь обратил внимание на все детали и возможные обрядовые действия, скрупулезно рассмотрев даже незначительные обломки терракот, посуды и других изделий, и их датировку, что в дальнейшем, несомненно, послужит хорошим подспорьем для аналогий и определения назначения подобного типа объектов. Наличие терракот различных божеств в одной сакральной зоне подтверждает давно установленный факт, что подобная традиция существовала во всех античных святилищах с древнейших времен. Исходя из главного назначения наоса как обиталища божества, остатки построек вполне могут рассматриваться как маленькие безордерные скромные сельские храмы.

Из находок особый интерес представляет небольшой вотивный известняковый рельеф с оригинальным изображением четырех полуфигур разновозрастных божеств, который еще заслуживает детального сравнительного анализа, в том числе и сопоставления с боспорскими и другими греческими позднеэллинистическими прототипами. Это поможет установить как более точную датировку, так и персонификацию представленных на нем персонажей, а также изучить художественный стиль местного скульптора⁵. А.А. Масленников правильно идентифицирует женские образы с Деметрой и Корой, однако в маленьких детских фигурках предположительно усматривает разные мифологические персонажи – Триптолема, Плутоса, Иакха, Евбулея и др. В итоге он отдает предпочтение Триптолему и Плутосу. Однако нельзя исключать, что на специально изготовленном для этого святилища рельефе представлена Деметра в образе божественной Матери со своими детьми – старшей дочерью Корой и младшими сыновьями Плутосом и Иакхом, игравшими большую роль в Элевсинских мистериях. Ведь уже давно установлено, что их идеи нашли особенно широкое распространение на Боспоре. Если это так, то в сельском святилище близ Генеральского Восточного богиня Деметра почиталась не только как покровительница земледелия, в частности хлебопашества, но и как защитница семьи. В такой ипостаси ее почитали в основном женщины, многие из которых из-за войн оставались с детьми без хозяина-кормильца.

Несмотря на часто происходившие государственные, демографические, а также экологические изменения на Боспоре Киммерийском, это место в Крымском Приазовье оставалось сакральным на протяжении длительного времени. Трудно согласиться, что этот разновременный и достаточно богатый культовый комплекс представлял собой именно теменос в его прямом значении. Правда, А.А. Масленников, отметив отсутствие следов какой-либо искусственной ограды,

⁵ Ср., например: Античная скульптура. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. 1. Киев, 2004. С. 61. № 17.

правомерно полагает, что таковой могло служить любого вида несохранившееся ограждение, в том числе даже достаточно крутые склоны плато. На таком же основании определяется им и теменос на плато к северу от вершины горы Сююрташ. Автор полагает, что такое название уместно, хотя специальная ограда на плато вряд ли существовала. Ведь совершенно очевидна обособленность священного пространства на вершине этой горы. И все же это возможно.

В монографии представлены комплексы строительных остатков и находки из не менее интересного святилища около поселения «Сиреневая бухта». Его, в отличие от вышеназванных, действительно следует определить как теменос. По мнению автора, это, безусловно, один из самых ярких сельских сакральных комплексов, открытых в последние годы и свидетельствующих о почитании Деметры и Керы в разных ипостасях. Возможно, что там в позднеэллинистический период справлялись обряды и таинства элевсинского круга, а в первые века нашей эры их значение уменьшилось. Только здесь прослежены ярко выраженные остатки священной каменной ограды, внутри которой находились отдельно стоящие алтари, скорее всего, для сожжений и возлияний (это также особенно важно для дефиниции пространства как «теменоса»), и своего рода однокамерный ойкос божества (не исключено и другое назначение столь небольшого сооружения). Комплекс «Расщелина» относился к этому же сакральному участку и представлял собой углубление, первоначально служившее, вероятно, для проведения ритуалов культа Деметры, как это было во множестве других святилищ близ скал в Средиземноморье и на Боспоре. Затем его использовали для сброса выпшедшего из употребления культового инвентаря, votивных приношений и «священного» мусора, который чаще всего подвергался захоронению в античных святилищах по давно установленной традиции.

Столь же тщательно проанализирован автором сакральный комплекс в урочище «Ущелье ведьм», открытый на холме примерно в 300 м к югу от поселения Генеральское Западное. Основная часть находок оттуда представлена обломками терракот и сосудов разных типов конца II в. до н.э. – начала II в. н.э. Однако собственно остатков святилища здесь пока не открыто и не удалось установить, в каком месте оно могло находиться.

Небольшим по количеству культового материала является и сакральный комплекс в одном из помещений на мысе Зюк. Из всех находок особо следует выделить ранее опубликованное уникальное граффито на обломке стенки фасосской амфоры конца V в. до н.э., о содержании которого высказаны разные точки зрения. Согласно одной из них, это свидетельство о взносе первинков урожая в какое-то святилище от имени указанных в нем лиц. Но в соответствии с последней интерпретацией А.А. Масленникова оно получило иной смысл. Сопоставив его с постройкой, служившей, по его мнению, на рубеже V – первой половины IV в. до н.э. «хранилищем паразитов», он предположил, что имена на черепке принадлежали участникам священной трапезы, выбранных из числа членов гражданской общины⁶.

К общественным святилищам по характеру устройства и культового инвентаря автором также отнесен небольшой грот, где якобы почитались Деметра и Кера. Он находился на вершине горы Сююрташ вблизи одного из самых крупных в Приазовье городищ IV–II вв. до н.э. – Золотое Восточное. К такого рода памятникам он причисляет остатки святилища второй половины I в. до н.э. – первой трети III в. н.э. на плато к северу от вершины этой же горы. По количеству и качеству приношений они значительно уступают святилищам близ городища Генеральское Восточное и теменосу около поселения «Сиреневая бухта».

Другие типы общественных святилищ и сакральных объектов на сельской территории европейского Боспора, в том числе открытых другими археологами, рассмотрены в главе 2 (с. 406–481). Автор достаточно подробно остановился на одном из самых проблемных и дискуссионных вопросов религиозной практики – боспорских зольниках и их сопоставлении с известными примитивными алтарями этого типа в других местах античного и варварского миров. На европейской территории Боспора такие памятники имеют разные размеры и разное назначение и превалируют над остальными, а в своей основе они содержат много ценной информации, хотя к настоящему времени исследованы неполностью. В работе высказан ряд интересных соображений относительно их хронологии, мест образования, связи с бытом населения на одних поселениях и, вне всякого сомнения, с отправлением культов на других. Так, для мирмекийского зольника, например, выделены характерные черты по материалам исследований В.Ф. Гайдукевича и Ю.А. Виноградова, которые относили этот комплекс к культовым. Однако в последних работах

⁶ В выпшедшей недавно публикации граффити из сельских поселений Боспора это граффито трактуется как список лиц, задолжавших деньги трапедзиту – меняле (*Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь–Керчь, 2007. С. 132–135) (прим. С.С.).

А.М. Бутягин и Д.Е. Чистов, которые продолжили его исследование, интерпретируют этот памятник иначе⁷, что требует теперь более детального и объективного изучения истории его первоначальных раскопок и сравнительного анализа всех найденных материалов в сопоставлении с другими сакральными участками. Поскольку А.А. Масленников уже выделил его характерные черты, то, видимо, ему и следует повторно обратиться к этой теме.

Кроме того, в этой главе автор кратко затронул ряд других редких объектов, общественно-сакральная принадлежность которых бесспорна, а в отдельных случаях, как считает А.А. Масленников, допустима. Среди них значительный интерес представляет, конечно же, уникальное в своем роде и уже хорошо известное святилище в Илурате, где был обнаружен человеческий череп. Представляют большое значение также святилище на селище Ак-Таш близ Казантипского мыса, сакральные постройки, имевшие, по всей вероятности, отношение к погребальному культу и множество неординарных одиночных строительных остатков и находок на хоре, нередко на отдалении от поселений. По характеру и аналогиям они вполне могут быть кратковременно существовавшими святилищами.

Сравнительно небольшая следующая глава 3 посвящена рассмотрению частных или домашних святилищ на территории сельских поселений европейского Боспора (с. 482–522). Проанализировав возможные структурные элементы, по которым можно определить – домашнее ли это святилище (преимущественно по наличию жертвенников), А.А. Масленников отметил, что для архаического времени в этом плане здесь ничего примечательного пока не выявлено. Только на отдельных поселениях и усадьбах второй четверти IV – первой трети III в. до н.э., в частности на Генеральском Западном, открыты остатки церемониального алтаря и разные типы небольших монолитных алтарей. Они служили прототипами множества изготовленных из местных пород камня и глины так называемых миниатюрных алтариков, найденных в процессе раскопок и разведок на разных боспорских поселениях, но в так называемых «скифских деревнях» аналогичных сакральных объектов пока не обнаружено.

Большие различия в устройстве домашних святилищ прослежены и для памятников последующего времени: подробно анализируются остатки своеобразных сакральных объектов, связанных с культовыми захоронениями домашних животных и их частей внутри жилых помещений, в специальных каменных ларях и ямах совместно с сосудами и разными votivami на поселениях и городищах первых веков нашей эры и позднеантичного времени. Они более всего характерны для памятников Боспора. А.А. Масленниковым сделано много ценных наблюдений относительно их назначения и этнической принадлежности, высказаны новаторские взгляды и гипотезы. Следует надеяться, что в последующих работах еще больше внимания будет уделено развитию культов синкретических божеств в этническом разнообразии их действительно возможного слияния, трактовке их изображений, а также религиозных обрядов.

В последней главе основное внимание сосредоточено на особо выделенном автором вопросе – типологии сельских святилищ европейского Боспора, хотя в процессе рассуждений он вышел за рамки этой темы (с. 523–537). Как видно из очень краткого обзора, в данном регионе функционировали святилища, различавшиеся по топографии, размерам, внутренней структуре, назначению, хронологии и характеру отправления культов. Их систематизация и классификация, конечно же, сложна, поскольку в устройстве, как и вообще в отпращивании культов божеств, не было выработано строго установленных канонов. Вследствие этого практически ни один из сакральных комплексов не повторяет другой. Поэтому вполне уместны размышления и предложения автора, каким образом и с каких позиций надо подходить к решению вопроса о классификации именно сельских святилищ, имеющих ряд отличительных черт от городских святилищ общественного назначения. Предложено и проанализировано три основных направления: распределение их по территориальному, функциональному и стадияльно-хронологическому признакам. Внутри каждого выделены отдельные варианты. В итоге А.А. Масленников представил целый ряд важных соображений и гипотез о типологии сельских святилищ и реконструкции

⁷ Ср., например: *Чистов Д.Е.* Святилище Деметры в Мирмекии: попытка реконструкции комплекса // Боспорский феномен. Ч. 1. СПб., 2004; *он же.* «Святилище Деметры» и восточные кварталы Мирмекии в IV в. до н.э. // Боспорские исследования. Симферополь–Керчь, 2006. Вып. XIII; *Бутягин А.М.* К интерпретации зольников Мирмекии (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // Боспорский феномен. СПб., 2005; *он же.* Святилища Мирмекии VI–IV вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Вып. VIII. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007; *Butyagin A.M., Chistov D.E.* The Hoard of Cyzicenens and Shrine of Demeter at Myrmekion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2006. Vol. 12. № 1–2.

обрядовых действий, которые как будто бы являются частью предварительного плана их дальнейшего расширенного изучения.

Обращает на себя внимание, что для рассмотренных святилищ (в особенности при учете их разнообразия) предварительно не была разработана конкретная типология. В начале главы 1 приведен перечень общественных святилищ по расположению на местности, «как бы следуя древним периплам, т.е. вдоль Крымского Азовского побережья с востока на запад». Но вопреки этому главное место было отведено «сельскому героону» на поселении «Полянка», которому, по итоговому определению, пожалуй, следовало бы посвятить отдельную главу как совершенно особому типу кратковременного и уникального сакрального памятника. Общественные святилища, где относительно хорошо сохранились остатки комплексов, несомненно свидетельствующих о почитании наиболее характерных для сельской местности богинь Деметры и Коры, также заслуживают отдельной главы. Как видно из топографии сельских святилищ, в значительном большинстве они были созданы в достаточно примечательной местности, зачастую непригодной для поселений и земледелия, но поблизости от населенных пунктов. В общем создается впечатление, что в религиозном мировоззрении сельского населения Боспора, как и вообще всех эллинов, ландшафт в его трехмерном значении (вершина горы, подножие, пещера либо расщелина среди скал) занимал основополагающее место при определении выбора для почитания хтонических божеств. Вряд ли на основании единичных находок, например, наконечников стрел, можно определять их связь с культом Аполлона Врача. Ведь такого типа вотив мог быть принесен в святилище любого божества с сотерическими функциями. Расположением святилищ поблизости от моря, видимо, можно объяснять наличие в них терракот, которые свидетельствуют о почитании Афродиты Урании⁸.

Не всегда понятно, как автор выясняет появление и хронологические рамки существования отдельных святилищ. Так, для датировки святилища на вершине горы Сююрташ указаны прежде всего амфорные клейма середины – второй половины III в. до н.э., хотя в целом амфорный материал здесь датируется рубежом IV–III вв. и III в. до н.э.; малочисленная чернолаковая посуда относится к более раннему времени, нежели весь амфорный материал (последняя треть IV – первая треть III в. до н.э.). «Итак, исходя из датировок самых “типичных” находок, – заключает А.А. Масленников, – можно утверждать, что этот археологический комплекс начал складываться вряд ли ранее середины III в. до н.э., хотя в него по разным причинам попали и заведомо более старые предметы. Часть из них просто имела длительный период бытования. Другим, возможно, придавалось особое значение (терракоты, светильники, кусочки кремня)» (с. 367). При этом остается неясно, почему при наличии значительно более раннего материала почти абсолютная дата возникновения этого святилища определена намного более поздним временем. Непонятно и то, какое значение придавалось здесь аттической чернолаковой керамике.

Обобщающий анализ материалов позволил также заметить, что святилища божеств плодородия относятся не к периоду первого экономического расцвета Боспора, главного экспортера зерна из Причерноморья, а к эпохе его кризиса. Причиной тому являются этнические, социально-административные или природные факторы. Следует, видимо, проследить, являлось ли Приазовье тем районом, где основу хозяйственной деятельности в период экономического подъема составляло хлебопашество, особенно по сравнению с Таманским полуостровом, где прослеживаются несколько иные хронологические рамки формирования и существования святилищ. Обращает на себя внимание и важный вывод автора о времени прекращения античной культовой практики на территории боспорской хоры и начала христианизации местного населения.

В результате авторской литературной редакции в книге сохранился стиль суждений и размышлений ее автора. Иногда, правда, они излишне пространны и противоречивы, очевидно, в связи с сомнениями и неуверенностью Масленникова в правильности его датировок и интерпретации памятников. Тем не менее это также дает возможность уловить и понять, сколь неоднозначно и непросто решаются нередко возникающие в процессе исследования вопросы о том или ином назначении сакрального объекта, связанного с ним божества и отдельно взятого и впервые найденного артефакта, по поводу чего можно было бы высказывать и собственные соображения. Однако основная цель настоящей рецензии заключается не в поисках ошибок, а в представлении читателям первой монографии о сельских святилищах европейского Боспора, которых, к удивлению,

⁸ К сожалению терракоты сохранились в крайне фрагментарном состоянии. Для их идентификации и достоверной связи с тем или иным мифологическим персонажем необходимо дальнейшее изучение и визуальное сопоставление с относительно целыми экземплярами, поскольку не совсем четкие их воспроизведения, представленные в монографии, не дают возможности увидеть все детали и проследить их характерные черты и особенности.

нию, оказалось довольно большое количество, не сравнимое по сохранности и своеобразию с подобного типа памятниками из сельской округи античных государств Причерноморья.

В общем хорошо изданная во всех отношениях, с большим количеством иллюстраций работа А.А. Масленникова дает полное представление о множестве самых разнообразных, в том числе уникальных, святилищ на сельской территории европейского Боспора. Она не только привлечет внимание ученых, но, несомненно, будет способствовать дальнейшему изучению сакральных памятников античной эпохи на Боспоре и в других регионах Причерноморья. Следует еще раз подчеркнуть тот факт, что исследование автора, много лет своей жизни отдавшего целенаправленным и разносторонним археологическим разведкам и раскопкам сельских поселений и святилищ и как никто другой хорошо их знающего, безусловно является большим его преимуществом, и поэтому он обязан написать работу о религиозных воззрениях населения Боспора.

А.С. Русева

© 2008 г.

Л.Л. КОФАНОВ. *Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э.* М.: Статут, 2006. 575 с.

Монография Л.Л. Кофанова, представляющая собой докторскую диссертацию, состоит из введения, четырех глав и заключения. Следует также отметить наличие обширной библиографии, подробного резюме на итальянском языке и предметного указателя. Центральной задачей исследования является анализ конкретных путей возникновения и развития римского права, выявление процесса складывания таких основополагающих юридических понятий, как *ius* (право) и *lex* (закон).

Глава I «Возникновение права в VIII–VI вв. до н.э.» посвящена зарождению права и развитию его в царский период. В первом параграфе анализируются сакральное право и «царские законы». Отметив первостепенное значение сакрального права как основы, на которой строилось все римское гражданское право, автор приступает к рассмотрению важного и неоднозначно решаемого в историографии вопроса: что такое вообще сакральное право древнейшего Рима и может ли оно быть названо правом в современном юридическом смысле этого слова?

Л.Л. Кофанов выделяет три модели системы римского сакрального права, которые могут быть использованы для его реконструкции (с. 56–68). Это модели Цицерона, Варрона и Дионисия Галикарнасского. Модель Дионисия Галикарнасского представляет собой систему сакрального права архаического периода. В нее входят в порядке перечисления нормы о 30 курионах, фламيناх; предводителях целеров и соответствующих священнодействиях, а также об авгурах, весталках, салиях, фециалах и их ритуалах, понтификах. Упоминание о понтификах, сделанное в последнюю очередь, Л.Л. Кофанов полагает достаточным доказательством того, что первоначально понтифики «отнюдь не были старшей жреческой коллегией» и лишь цари этрусской династии Тарквиниев подняли их статус (с. 66).

Л.Л. Кофанов далее указывает, что к так называемому сакральному праву относились практически все «царские законы», которые античными авторами называются законами «о сакральных ритуалах». Но возникает вопрос: можно ли считать их собственно правом и законами, или же они представляют собой «единую синкретическую систему норм первобытного общества»? Ученый обращается к современным исследованиям этнологов и юристов (с. 69–72) и весьма подробно анализирует «царские законы» от Ромула до Тарквиния Гордого (с. 73–97). Он делает вывод, что уже установления Нумы Помпилия представляют собой не просто сборник монономов первобытного общества, но сборник норм переходного периода – времени активного формирования права раннеклассового общества, так как общегражданские нормы не имеют демонстративного приоритета над родовыми. И только законы Сервия Туллия могут быть названы, с полным на то основанием, первым правовым сборником римского архаического государства, ибо именно установления Сервия Туллия в большей степени учитываются не родовой, а социальный и имущественный статусы римлянина.

Во втором параграфе автор рассматривает роль древнейших органов власти (царя, сената и народного собрания) в формировании права и закона. Анализируя характер царской власти ар-